

Читайте в серии:

Оксана Даровская

«Москва. Квартирная симфония»

Ирина Лейк

«История Аптекаря, райских птиц и бронзовой головы слона»

Алекс Тарн

«Четыре овцы у ручья»

Екатерина Златорунская

«Осенняя охота»

Яков Шехтер

«Водолаз Его Величества»

**Оксана
Даровская**

МОСКВА

КВАР
ТИР
НАЯ

СИМ
ФО
НИЯ

АЗБУКА

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Д 20

Оформление обложки:
Студия графического дизайна FOLD & SPINE

Даровская, Оксана
Д 20 Москва. Квартирная симфония : роман / Оксана Даровская. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 320 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-24947-9

Ничто не вечно. Рождаются и исчезают люди, переклеиваются обои, меняют названия переулки, на месте прежних домов вырастают новые. Но есть нечто неизменное: стены первой квартиры, первый в твоей жизни двор, скрип старых качелей — как мелодия далекого детства. Еще один взмах дирижерской палочки... и соседи по коммунальной юности становятся близкими тебе людьми, застревают в памяти навсегда.

Героиня книги — в прошлом риелтор. Сквозь истории квартир — больших и маленьких, отдельных и коммунальных, «убитых» и не очень — Оксана Даровской удастся воссоздать подлинные портреты людей, чьи печали и радости, падения и взлеты сплетаются в череду непохожих судеб, становясь движущей силой этой книги, ее многоголосым лейтмотивом, то грустным, то веселым, как сама жизнь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-24947-9

© Даровская Оксана, 2024

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Издательство АЗБУКА®

- ...изменились ли эти горожане внутренне?
- Да, это важнейший вопрос, сударь.

Из диалога Воланда с Фаготом

Глава I

АЛЛЕГРО, или Постижение основ

По длинному коммунальному коридору на кухню стянулись жильцы. Вместе со мной восемь человек. Настрой у меня был решительный. Так что без лишних предисловий представлю участников.

Митрофан Кузьмич — 67 лет, грубоватый, громогласный, с сельским прононсом и лысым черепом, пенсионер.

Валера — 36 лет, угрюмый, неопрятный, вечно взлохмаченный, кандидат физико-математических наук.

Татьяна — 34 года, жена Валеры, энергичная, миниатюрная, с мальчишеской стрижкой и чувством юмора, преподаватель русского языка журфака МГУ.

Маша — 8 лет, дочь Татьяны и Валеры, шумная, неловкая, бьющаяся обо все углы, обожающая животных (канареек, хомяков, кошек и т. д.), ученица первого класса православной гимназии.

Игорь — 44 года, бывший алкоголик и балагур, раздраженный трезвой жизнью, но смирившийся с ней, представитель рабочего класса.

Иришка — 40 лет, вторая (недавняя) жена Игоря, дисциплинированная, хозяйственная, страдающая легкой формой базедовой болезни, полноватая и бездетная.

Бина Исааковна — 77 лет, давно овдовевшая согбенная седая пенсионерка со стальным характером, местный старожил.

Наконец, организатор собрания, то есть я, в молодые годы (без характеристики).

Кухня наша была необъятной. Вдоль высоченных, выкрашенных до середины темно-зеленой масляной краской стен простирались две оснащенные чугунными крыльями плиты завода «Газоаппарат», пять кухонных столов разной степени обшарпанности, подвесные полки-полки-полки, парочка деревянных табуретов и один шаткий венский стул, пожертвованный Биной Исааковной на общественные нужды. Существовала и дверь на черную лестницу, никем, кроме новоиспеченного автомобилиста Игоря, не используемая, запирающаяся на тяжелую проржавевшую щеколду.

— Дорогие мои, — начала я миролюбиво, — не все благополучно в нашем королевстве, вы согласны?

Раздался общий нечленораздельный ропот.

— Между тем факт остается фактом. Проведенная с вами семилетка оказалась для меня продуктивнейшим периодом (за это время я успела выйти замуж, родить и почти развестись). Я благодарна судьбе за пройденные университеты, но наступила необратимая усталость металла. У нас участились ссоры. Нам пора разъезжаться.

Москва. Квартирная симфония

Ропот стих. Повисла небольшая пауза. Каждый из присутствующих вздохнул, вспоминая наболевшее.

— Ну ты фантазерка! — первым среагировал Митрофан Кузьмич.

— Вот именно. Кому нужен наш тараканий плацдарм с плесневой бахромой на потолках? — более емко, на правах филолога, выразилась Татьяна.

— Остальные тоже так думают? — спросила я.

Остальные пока молчали. Маша вертелась волчком по истертому кафелю. Валера, безнадежно уставившись в пол, пытался остановить ее, дергая за рукав. Бина Исааковна, глядя в окно, впала в суровую задумчивость. Игорь, перетаптываясь с ноги на ногу, злился на общую атмосферу неопределенности. Иришка перешла в закуток к их с Игорем кухонному столу и резала на порционные кусочки отборную телятину карликовому пуделю, два года назад приобретенному у заводчицы с верхнего этажа. Широкая спина Иришки выражала скепсис.

— Вы акцентируетесь на частностях, на замызганных стенах и облезлых потолках мест общего пользования, за деревьями не видите леса, — настойчиво продолжила я. — Полы и потолки — поправимое дело. Главное — уникальное расположение нашего дома, его архитектура и дореволюционное качество!

Оторвав взор от окна, к разговору неожиданно конструктивно подошла Бина Исааковна.

— Что вы предлагаете, Оксана? — С высоты 1915 года рождения и безупречного воспитания она называла каждого на «вы».

— Предлагаю нанять агента и всем получить отдельные квартиры. — На пятки тайным квартирным маклерам беспардонно наступали риелторские конторы. — Миссию нахождения агента беру на себя. Давайте рискнем. И еще: требуйте каждый по максимуму. Просишь больше, получишь в самый раз — таков закон коммунального жанра.

— Ну не зна-аю... — тряхнул спутанной шевелюрой Валера, отпустив рукав рвущейся на свободу Машки, — нас, к примеру, в одной комнате трое; наихудшая из всех ситуация...

— Свежо предание... — мрачно добавил Игорь.

— Что ж, попробуйте, Оксана, хотя шанс, по-моему, мизёрный, — заключила Бина Исааковна. (Иногда, по причине частого упоминания, она будет Б. И.)

На этих словах соседи невесело разбрелись.

Теперь по поводу тараканов. Следуя ночью в туалет и проходя мимо кухни, можно было развлечения ради включить свет и понаблюдать, как с поверхностей столов врассыпную пускались стада прусаков. Периодически, потревоженные резко включенным светом, с потолка отлетали куски зеленоватой штукатурки, добавляя скорости пронырливым насекомым. Посещать комнаты прусакам надобности не было — провианта хватало на кухне.

Только не надо думать, что наше жилище представляло собой убогую, затрапезную ночлежку и реверанс дому был сделан мною для красного словца. Бывший доходный дом, построенный на рубеже XIX–XX веков, был и остается прекрасен по сей день! Особо пытливому читателю предлагаю историческую справку.

Менее пытливые могут пролистнуть несколько страниц, хотя, на мой взгляд, сделают это зря.

Итак, внушительный, длинный, выходящий левым крылом на Остоженку (эту часть, увы, недавно снесли) дом № 12 по Савеловскому, с 1922 года Савельевскому, а с 1993-го Пожарскому переулку изначально принадлежал Варваринскому акционерному обществу домовладельцев. Общество было одним из первых, созданных в 1897 году тремя богатейшими и влиятельными москвичами с целью строительства арендного жилья. Александр Иванович Шамшин, Александр Данилович Шлезингер и Семен Васильевич Лепешкин заправляли фабриками, заводами и Московским купеческим банком. Двое из них состояли членами Государственной думы. Возможности всех троих были неограниченны. Гостиница «Националь» и кинотеатр «Художественный», между прочим, тоже их финансовое детище. Самая фешенебельная по тем временам московская гостиница и украшенный пилястрами, эркерами, арочными окнами наш дом были спроектированы петербургским архитектором Александром Ивановым по заказу Варваринского акционерного общества. Квартиры в доме с первых дней его существования занимали знатные персоны. Врачи, юристы, горнопромышленники, нефтяники, инженеры, музыканты, художники, литераторы. Вот на литераторах-то ненадолго и остановлюсь. Подростком-гимназистом здесь жил Илья Эренбург. Глава семейства, недавний киевлянин, купец первой гильдии Григорий (Герш) Эренбург, был назначен директором Хамовнического пиво-

медоваренного завода. Жили вшестером: мать, отец, три старшие дочери и Илья. В пятом классе Первой мужской гимназии, что на Волхонке (где в свое время учились историк Сергей Соловьев, драматург Александр Островский, классик русского анархизма Петр Кропоткин и ставший Эренбургу старшим гимназическим товарищем будущий революционер Николай Бухарин), деятельный Илья организовал машинописный, как бы сейчас выразились, альтернативно-прогрессивный журнал и сам любовно его редактировал. Адрес редакции на последней журнальной странице звучал так: Остоженка, Савеловский пер., д. Варваринского общества, кв. 81, И. Г. Эренбург. (Савеловский — от фамилии дворян Савеловых, с XVII века владевших местной — справа вниз по переулку — усадьбой, сохранившейся по сей день.) В 1907-м Илью исключили из шестого класса гимназии за пассионарные взгляды. Через год его, семнадцатилетнего, арестовали, изъяв при обыске квартиры нелегальную литературу. И вот вам запечатленный в юношеском стихотворении нежнейший оттиск дореволюционной жизни дома:

Как скучно в «одиночке», вечер длинный,
А книги нет.
Но я мужчина,
И мне семнадцать лет.
Я, «Марсельезу» напевая,
Ложусь лицом к стене.
Но отдаленный гул трамвая
Напоминает мне,

Москва. Квартирная симфония

Что есть Остоженка, и в переулке
Наш дом,
И кофе с молоком, и булки,
И мама за столом.
Темно в передней и гостиной,
Дуняша подает обед..
Как плакать хочется! Но я мужчина,
И мне семнадцать лет.

Через шесть месяцев отец под залог вызволил сына из Бутырки, и юный Эренбург, не без родительской помощи, эмигрировал во Францию. Он и в своей первой парижской эмиграции ностальгировал по дому в Савеловском переулке: «Странно думать, что сейчас в Москве на Остоженке мама сидит и пишет: “Я послала тебе русский чай, смотри не простудись и не скучай”».

Но — главное. На втором этаже центральной части дома, в соседнем от нас подъезде, непосредственно через стену от нашей теперешней квартиры, в квартире 66 в 20–30-е годы XX века жили известный литератор, почетный гражданин Москвы Николай Николаевич Лямин и его жена, художница Наталия Абрамовна Ушакова. (В их бытность советская власть переименовала переулок в Савельевский — в память об убитом в 1919-м революционере Савельеве-Шелехесе.) В 66-й квартире им, новым своим друзьям, Михаил Булгаков читал еще не опубликованную «Белую гвардию». Именно здесь Николаю Лямину была подарена «Дьяволиада» с подписью «Настоящему моему лучшему другу Н. Н. Лямину. Михаил Булгаков. 1925 г. 18 июля. Москва». Здесь

же в 1933-м Михаил Афанасьевич декламировал первый вариант главы о валютчиках из будущего романа «Мастер и Маргарита».

Лямин и его жена принадлежали к «пречистенскому кругу» недобитой академической интеллигенции, куда посчастливилось попасть приехавшему из Киева молодому Булгакову. Эти люди называли себя детьми старой Москвы. Булгаков же называл их людьми высокой квалификации. Кстати, знаменитая, 1935 года, фотография Михаила Афанасьевича на балконе дома в Нащокинском переулке, как и большинство немногочисленных с ним фото, сделана Наталией Ушаковой.

Блестяще образованный, свободно владевший несколькими европейскими языками, Лямин стал не только одним из ближайших друзей московского периода, он стал страстным ценителем, тончайшим критиком творчества Булгакова, его доверенным, в литературном смысле, лицом.

Судьба Лямина сложилась трагически. Весной 1936-го НКВД сослал его в воркутинские лагеря (за антисоветскую агитацию и пропаганду). Донос состряпали «доброжелатели», приревновавшие Лямина к его новой должности — ученого секретаря Государственной библиотеки имени Ленина. В квартиру 66 Лямин больше не вернулся. Ему запрещалось жить в Москве и других крупных городах. После трех лет отсидки он обосновался в Калуге, где преподавал в школе немецкий язык. С Булгаковым им суждено было увидеться еще лишь раз, когда Лямин между сроками (второй раз его арестовали летом 41-го) оказался одним днем

в Москве и вместе с женой навестил смертельно больного Булгакова. Через год после смерти Булгакова погиб и сам Лямин, был расстрелян или умер от невыносимых лагерных условий (доподлинно не установлено). Овдовевшая Наталия Абрамовна Ушакова провела свой долгий одинокий век в коммунальной комнате Савельевского переулка. Калейдоскоп лиц и нравов, прошедших пред ее очами за годы советской власти в некогда доходном доме, нетрудно представить.

И, как метка о счастливой и одновременно печальной дружбе, квартира 66 успела послужить прообразом коммунальной квартиры на втором этаже, куда забрел Иван Бездомный в поисках Воланда в главе «Погоня». Хотите верьте, хотите нет. Большой камин с зеркалом в золоченой раме, старинная трехрожковая люстра, откуда кот Бегемот вел последнее победоносное сражение с органами НКВД, попали в роман (по воспоминаниям бывавших в гостях очевидцев) из интерьера комнаты Ляминых.

Самой трудно в такое поверить, но через стену от вышеназванной квартиры мне довелось прожить семь лет. Ходить по дореволюционному дубовому паркету, выложенному в каждой комнате отдельным узором, наслаждаться витиеватой лепниной высоченных потолков, вдыхать, не ведая того, литературный дух, хранимый стенами как драгоценнейший нетленный клад. Я вовсе не кичусь случайным, на первый взгляд, обстоятельством собственной жизни, но... кто знает... Возможно, какая-нибудь невесомая литературная песчинка, крохотное невидимое зернышко попали тогда

в мою кровь, долго блуждали по венам, чтобы пробиться сквозь время писательским ремеслом. Хотя в молодые годы я не задумывалась об этом. Просто жила, просто была счастлива обрушившейся на меня свободой: соседствующими со мной арбатскими переулками, милыми домиками Остоженки, желтой аркой метро «Кропоткинская», открывающей перспективу то утопающего в снегу, то окаймленного майской листвой, то обряженного в гирлянды октябрьских листьев Гоголевского бульвара.

Ни о жизни в доме Ильи Эренбурга, ни об уникальных обитателях и гостях 66-й квартиры я понятия тогда не имела. Узнала о них много позже, перелопатив по этому поводу уйму материалов. Я переехала сюда в середине 80-х из небольшой отдельной квартиры на Таганке, разменявшись с мамой, отыскав подходящий вариант в замусоленном талмуде знаменитого обменного бюро Банного переулка. Нашу с мамой квартиру можно было разменять без серьезной доплаты только на однокомнатную и коммуналку. Приоритет, естественно, был отдан маме. А моя неосознанная любовь к стенам дома в Савельевском переулке случилась с первого взгляда, как только я переступила его порог.

* * *

Примерно за месяц до инициированного мной кухонного собрания квартиру оккупировали мыши. Они нагрянули внезапно, как перст судьбы (примета к переезду), и курсировали по пяти комнатам, кроме принадлежавших мне двух смежных в 25 метров.

С недоумением соседи справлялись: «Оксана, мыши у тебя есть?» Я бодро отвечала: «Мышей у меня нет». «Как это нет?!» — раскатисто возмутился Митрофан Кузьмич, вернувшийся после долгого отсутствия в комнату через стену от меня.

Еще три года назад его комната пустовала. Он благоденствовал под Каширой, в деревенском доме третьей жены, где они вели совместное хозяйство с огородом, курами, утками и прочей экологически чистой снедью. Но розовощекая добродушная женщина (я видела ее однажды, когда они вдвоем заезжали забрать из комнаты кое-какие вещи) сгорела от внезапной онкологии. На дом посягнули ее взрослые дети от первого брака. Митрофану Кузьмичу ничего не оставалось, как, разругавшись с ними вдрызг, изъязв из сеней пару собственноручно сколоченных табуреток и старые кирзовые сапоги, вернуться в коммунальную квартиру. По информации от Бины Исааковны, Митрофан Кузьмич был уроженцем села Бондари Тамбовской области, впервые поселился в квартире в конце 50-х, женившись на молодой, молчаливо набожной обитательнице комнаты, послевоенной сироте. Доверчивая сирота мечтала обрести в муже друга и жизненную опору. Спустя примерно год совместной жизни Митрофан Кузьмич (тогда тридцатилетний Митрофан) отвез окончательно «ушедшую в себя» жену в психиатрическую лечебницу, откуда та не вернулась. Комната, таким образом, перешла в его единоличное пользование. Это был второй брак Митрофана Кузьмича. Где-то под Тамбовом затерялась его дочь от первого брака, отношений

с которой он не поддерживал. Первая его жена оказалась (эмпирические выводы Б. И.) сильно пьющей женщиной, собственноручно гнавшей самогон. Году примерно в 65-м местные охотники села Бондари наткнулись на ее осевшее под сосной мертвое тело при сходе в лесополосе вешних вод. Рядом на проталине лежали развалившаяся от сырости вязанка хвороста и пустая бутылка без этикетки. Получив трагическую телеграмму от своей старшей родной сестры из Бондарей, сорокалетний Митрофан Кузьмич поехал на похороны. Вернулся один, мрачнее грозовой тучи. Из чего следовало (углубленные выводы Б. И.), что его совсем еще юная дочь унаследовала от матери пагубную страсть к самогонварению и злоупотреблению оным. А там — поди разберись. Отрезок между вторым и третьим браками (посторонних женщин в квартиру он не приводил — опять-таки ремарка Б. И.) составил неполных семь лет. Повстречав третью, розовощекую кандидатку в жены, Митрофан Кузьмич повесил на дверь комнаты амбарный замок и отбыл под Каширу. Третий брак стал для него самым благотворным и долгим, но хорошим тоже не кончился. Жизненный путь Митрофана Кузьмича демонстрировал, что на свете существуют не только черные вдовы.

«У всех мыши есть, а у нее нет...» — с подозрением вторил Митрофану Кузьмичу, пожимая плечами, Валера. Он уже успел поймать в мышеловку двух грызунов и гордился доработанной им конструкцией недавно купленного «технического недомерка». Валера был угрюмым научным скептиком по любому поводу.

И тут надо бы кратко остановиться на планировке квартиры. Перспективу, при входе из величественного, с мраморной лестницей и дубовыми перилами парадного, открывала комната с эркером Митрофана Кузьмича, следом шел ближний предбанник с двумя моими смежными комнатами. Напротив моих комнат, в ответвляющемся от ближнего предбанника коридоре, была комната Тани, Валеры и Маши (из-за чего все члены их семьи то и дело сталкивались со мной нос к носу). Дальше коридор струился мимо комнаты Игоря с Иришкой в сторону кухни. В торце коридора, на подиуме с двумя ступеньками, возвышался туалет. А ровно напротив кухни существовал дальний предбанник с отдельной дверью, за которой скрывались ванная комната и двухкомнатные апартаменты Бины Исааковны. В сухом остатке: комнаты Митрофана Кузьмича, мои и Бины Исааковны шли по правой стороне от главного входа в квартиру и смотрели окнами в Савельевский переулок. Комнаты Тани с Валерой, Игоря с Иришкой и кухня шли по левой стороне и смотрели окнами во внутренний двор. Всего комнат насчитывалось семь.

Так вот, задолго до появления в квартире мышей, на заре моего сюда переезда, Валера любил подловить меня в ближнем предбаннике и полушепотом, чтобы — ни-ни! — не долетело до вездесущих ушей Бины Исааковны, пожаловаться на евреев, оккупировавших лучшие позиции в экспериментальной лаборатории его НИИ и бессовестно плясавших на костях остальных сотрудников коронные «Семь сорок». «Тянут на себя одеяло, остальным кислород перекрывают, мафия», — обобщал уроженец Тулы

Валера. Далее следовали конкретные примеры, как Фурман подсидел беспечного Суханова, хотя Суханов во сто крат умнее и талантливее, но Фурман, хитростью проникнув тому в мозг, выудил основы физико-математического новшества и в мгновение ока присвоил патент на изобретение. Татьяна, вечерами частенько корпевшая над полуграмотными опусами абитуриентов и первокурсников журфака, от Валериных историй, судя по всему, давно отмахивалась. Валере требовались свежие непредвзятые уши.

«Ну ты же понимаешь, что ничего нового со времен Авраама и Исаака. Так было, есть и будет, что касается Богом избранных...» — скорбно заключал Валера, и густая всклокоченная челка падала на его опечаленный крупный нос.

Я, если честно, не понимала. Может быть, в силу несведущей молодости, может, потому, что в издательстве «Наука», где я работала после вечернего филфака корректором одного из мелких технических журналов, имея, кстати, руководительницу еврейской национальности, меня никто не подсиживал, ибо в нашем крохотном редакционном пуле нас было двое. (На руководительницу свою я молилась, поскольку года два или три подряд звонила ей из волшебного сентябрьского Коктебеля, умоляла дать мне еще недельку отпуска за свой счет — продлить очарование, и она, глубоко вздыхая, каждый раз шла мне навстречу.)

В свою очередь педантичная Иришка, возникшая в квартире на три с половиной года позже меня, если мы оказывались с ней без свидетелей на кухне, вещала, тоже полупшепотом, что, когда занят туалет (а туалет был занят, как вы пони-

маете, часто), Валера мочится в ванну. «Откуда такая осведомленность?» — любопытствовала я. «Я знаю точно», — таинственно скосив глаза в сторону комнат Бины Исааковны, уверяла Иришка. И я понимала, с какой стороны ветер дует. Б. И. занимала самое большое в квартире пространство из смежных комнат общей площадью в 45 квадратов. В стене между ванной и ее спальней существовал выложенный белой глянцевой плиткой впавший в летаргию камин, а над ним небольшое окошко. Похоже, Б. И. приставляла к стене спальни персональную стремянку и нелегально следила за происходящим в ванной, негодуяще делаясь затем увиденным с новоявленной Иришкой. Обвинить Валеру напрямую в справлении малой нужды в ванну означало бы для старожилки разоблачить самое себя. Этого она позволить себе не могла. Валера же с варварским упоением отыгрывался под ее всевидящим оком за ущемления на службе.

Когда мой молодой муж, студент дневного отделения Первого меда, подрабатывающий по ночам санитаром в морге, перебравшийся ко мне в 88-м с улицы Марии Ульяновой от невыносимой матери, стоял вечерами под хилой коммунальной струей проржавевшего стационарного душа, пытаюсь смыть стресс и запах вчерашнего морга, Бина Исааковна, думаю, не ленилась следить со стремянки и за ним. На двери ванной комнаты появилась припиленная кнопками табличка: «Стирать и мыться после 22.00 СТРОГО ВОСПРЕЩАЕТСЯ».

— И вы, Оксана, с вашим мужем новые порядки не наводите. Вы тут человек относительно недав-

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Даровская Оксана

МОСКВА. КВАРТИРНАЯ СИМФОНИЯ

Редактор *Д. Захарченко*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректоры *В. Алексина, Е. Комарова*
Компьютерная верстка *Т. Корovenковой*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.03.2024.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,2.

Тираж 3000 экз. Т-РР1-33933-01-Р. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Финанс ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндүрүшү:
«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус»
Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басымның сайкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

